

*Другу всей жизни
Дональду Аркинсу,
похороненному в Париже.
С любовью.*

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО: ПОДМЕЧАЙ И ПИШИ

Врасказах этого сборника я предстаю перед вами в двух ипостасях — как наблюдатель и как литератор.

Эти оба начала уживаются во мне под единым девизом, что вот уже семьдесят лет висит над моей пишущей машинкой: *Не раздумывай — действуй.*

Я не обдумывал ни один из этих рассказов: они — вспышки, всплески. Временами замыслы безудержно выплескиваются, а иной раз минутный порыв нужно холить и лелеять, чтобы дать ему окрепнуть.

Мой любимый рассказ — «Массинелло Пьетро», ибо давным-давно, когда мне только минуло двадцать и я обитал в жилом доме в центре Лос-Анджелеса, мы подружались с Массинелло Пьетро, которого я пытался ограждать от полиции и помог ему, когда его отдали под суд. Короткий рассказ, на который меня вдохновила эта дружба, во многом основан на реальных событиях, и мне лишь оставалось его записать.

Прочие рассказы один за другим являлись ко мне в течение моей жизни — с самой юности до зрелости и к старости. Каждый из них вызван страстью. Каждый написан, потому что иначе быть не

могло. Для меня писать рассказы — все равно что дышать. Я наблюдаю. У меня возникает идея, я влюбляюсь в нее и стараюсь не думать о ней. Затем я пишу. Даю рассказу как можно скорее излиться на бумагу.

Перед вами сочинения двух соавторов, живущих в моей оболочке. Некоторые изумят вас. И это хорошо. Многие из них изумили меня самого, когда они явились ко мне и попросили о своем рождении. Надеюсь, они вам понравятся. Не следует ломать над ними голову. Просто попытайтесь полюбить их, как люблю их я.

Добро пожаловать!

Рэй Брэдбери
Август 2008

МАССИНЕЛЛО ПЬЕТРО

Он покормил канареек и гусей, собак и кошек. Потом завел заржавленный патефон и принялся подпевать шепелявым голосом «Сказкам венского леса»:

Жизнь то в горку, то под горку,
Только не хнычь и не жалуйся!

Пока он пританцовывал, услышал, как перед его магазинчиком остановилась машина. Увидел человека в серой шляпе — тот разглядывал вывеску, на которой крупными неровными синими буквами было выведено:

КОРМУШКА. ВСЕ ДАРОМ!
ВСЕМ — ЛЮБОВЬ И МИЛОСЕРДИЕ!

Человек переступил порог и остановился в дверях.

— Мистер Массинелло Пьетро?

Пьетро энергично закивал и ухмыльнулся:

— Входите. Пришли меня арестовать? Бросить в застенок?

Человек прочел по своим записям:

— Более известный как Альфред Флонн?

Его взор скользнул по серебряным колокольцам на рукавах Пьетро.

— Он самый! — у Пьетро вспыхнули глаза.

Человеку стало не по себе. Он окинул взором помещение, битком набитое шуршащими птичьими клетками и ящиками. С заднего крыльца в комнату ввалились гуси, смерили визитера сердитым взглядом и ушли восвояси. Четверка попугаев лениво покосилась на него с высокой жердочки. Тихо ворковала пара индийских неразлучников. У ног Пьетро резвились три таксы, которые не могли дожждаться, когда же он опустит хотя бы одну руку, чтобы их приласкать. На одном его плече устроилась майна с клювом бананового цвета, на другом — зебровая амадина.

— Присаживайтесь! — произнес Пьетро нараспев. — Решил музыку послушать. Вот с чего надо начинать свой день!

Он быстро покрутил ручку портативного патефона и вновь установил иглу на грампластинку.

— Я понимаю, понимаю! — человек усмехнулся, пытаясь проявить терпимость. — Меня зовут Тиффани, я из окружной прокуратуры. Мы получили кучу жалоб.

Он обвел рукой по загроможденному магазинчику.

— Антисанитария. Все эти утки, барсуки, белые мыши. Не тот район, нецелевое использование помещений. Придется вам переезжать.

— Мне это твердили аж целых *шесть* человек, — Пьетро гордо пересчитал их на пальцах. — Двое су-

дей, трое полисменов и окружной прокурор собственной персоной!

— Вас предупредили за месяц. У вас было тридцать дней, чтобы покончить с этим бедламом либо отправиться за решетку, — сказал Тиффани. — Мы проявили к вам снисхождение.

— Это я проявил снисхождение, — сказал Пьетро. — Дожидался, пока наш мир наберется ума-разума. Ждал, когда же положат конец войнам. Надеялся, что политики станут порядочными людьми. Мечтал — *ля-ля-ля* — о том, чтобы торговцы недвижимостью превратились в честных граждан. А пока я жду — я танцую. — И продемонстрировал.

— Вы только оглянитесь вокруг! — запротестовал Тиффани.

— Восхитительно, не правда ли? Вот уголок, посвященный Деве Марии, — показал Пьетро. — А тут в рамке письмо лично от секретаря архиепископа, где говорится про добрые дела, которые я совершил для бедных! Когда-то я был богат. Владел недвижимостью — отелем. Некто отобрал у меня все, и жену в придачу. Двадцать лет назад. И как, вы думаете, я поступил? Я вложил то небольшое, что у меня оставалось, в собак, гусей, мышей, попугаев, которые никогда не изменяют и остаются друзьями навсегда. Я купил патефон, который никогда не печалится и без умолку распевает песни!

— Речь не об этом, — возразил Тиффани не без содрогания. — Соседи утверждают, что в четыре часа утра, гм, вы со своим патефоном...

— Музыка лучше, чем мыльная вода!

Тиффани зажмурился и толкнул заученную наизусть речь:

— Если до заката солнца вы не избавитесь от этих кроликов, обезьяны, попугайчиков и прочей живности — то вам светит небо в клеточку.

Настороженно улыбаясь, мистер Пьетро отвечал на каждое слово кивком.

— Что я такого сделал? Кого-то убил? Ребенка ударил? Часы украл? Лишил заложенного имущества? Разбомбил город? Палил из ружья? Лгал? Надувал клиентов? Отрекся от Господа Бога? Брал взятки? Торговал наркотиками? Продавал невинных девушек?

— Нет, конечно.

— Тогда скажите, в чем я провинился? Четко и ясно. Мои собаки — исчадия ада? Птицы поют чудовищными голосами? Мой патефон... я полагаю, он тоже кошмарен? Хорошо, заточите меня в темницу и выбросьте ключ. Вам все равно нас не разлучить.

Мелодия переросла в мощное крещендо. И он запел под эту музыку:

Тиффани, услышьте мой призыв!
Будем же друзьями, не хмурьтесь!

Собаки стали подпрыгивать и тявкать.

Мистер Тиффани укатил на своей машине.

Пьетро почувствовал боль в груди. По-прежнему ухмыляясь, он прервал свой танец. Пока он стоял скрюченный, схватившись за грудь, стайка гусей ворвалась внутрь и стала ласково поклевывать его туфли.

На обед Пьетро открыл литровую банку домашнего венгерского гуляша и подкрепился. Замер, коснулся было груди, но знакомая боль прошла. После еды он вышел на задний двор посмотреть, что творится за высокой деревянной оградой.

Так и есть, вот она, тут как тут! Миссис Гутьерес, откормленная и оглушительная, как музыкальный автомат, когда общается с соседями по ту сторону пустыря.

— Красавица! — обратился к ней мистер Массинелло Пьетро. — Вечером меня упекут в каталажку! Вы развязали войну и победили. Я вручаю вам саблю, сердце и душу!

Миссис Гутьерес монументальной поступью пересекла грунтовый двор.

— Чего-чего? — спросила она, будто не заметила его или не расслышала.

— Вы довели до сведения полиции, полиция довела до моего сведения, чем ужасно меня позабавила! — Он взмахнул рукой, и его пальцы затрепетали в воздухе. — Надеюсь, вас это осчастливит!

— Ни в какую полицию я не заявляла! — вознегодовала она.

— Ах, миссис Гутьерес, я сложу песнь в вашу честь!

— Это кто-то другой донес! — твердила она.

— И когда сегодня меня повезут в тюрьму, я преподнесу вам подарок. — Он отвесил поклон.

— Говорю же, я тут ни при чем! — вопила она. — Да отсохнет твой слащавый язык!

— Я восхищаюсь вами, — искренне сказал он. —

Вашей активной гражданской позицией — долой всю нечисть, шум и хлам!

— Ах ты! — верещала она. — Чтоб тебя! — У нее иссяк словарный запас.

— Этот танец я посвящаю вам! — пропел он и, вальсируя, скрылся в доме.

Под вечер он повязал свою красную шелковую бандану и надел внушительные золотые серьги, алый кушак и голубой жилет с золотистой оторочкой, обулся в башмаки с пряжками и натянул штаны в обтяжку до колен.

— Все на последнюю прогулку! — обратился он к собачкам, и они вышли.

Под мышкой Пьетро нес патефон, пошатываясь от его веса, ибо он испытывал расстройство желудка и недомогание во всем теле. Ему трудно было поднимать тяжести. Собаки семенили по обе стороны от него, попугаи у него на плече пронзительно кричали. Солнце заходило, воздух был прохладен и недвижим. Он разглядывал все вокруг, словно видел в первый раз. Всем говорил «добрый вечер», махал рукой, приветствовал.

У стойки с гамбургерами он водрузил на табурет заведенный патефон, игла выцарапывала из пластинки песню. Посетители оборачивались посмотреть, как он самозабвенно погружается в пение и, сияющий от смеха, всплывает на поверхность. Он щелкал пальцами, приседал, сладко насвистывал с закрытыми глазами, а симфонический оркестр уносился ввысь вместе со Штраусом. Он выстроил собак рядком, пока отплясывал. Заставил попугаев выделывать на полу кульбиты и хватал на лету бле-

стящие кувыркающиеся монетки, бросаемые изумленной, но отзывчивой публикой.

— Убирайся к черту! — велел продавец гамбургеров. — Здесь тебе не опера!

— Премного благодарен вам, люди добрые!

Собаки, музыка, попугаи и Пьетро исчезли в темноте под малиновое позвякивание колокольчиков.

На перекрестке он пел, обращаясь к небу, молодым звездам и октябрьской луне. Подул ночной ветер. Из темноты на него глядели смеющиеся лики. И снова Пьетро гримасничал, ухмылялся, свиристел и крутился юлой.

На милостыню бедным!
Ах, как скромно, ах, как мило!

И узрел лица всех, кто на него смотрел. Увидел безмолвные дома и обитавших в них молчунов. Он пел и вопрошал, почему он — последний в мире певец? Почему никто не отплясывает, не разевает рот, не подмигивает, не выставляется напоказ, не важничает? Почему в мире воцарилось немота, онемели жилища и лица? Почему одни просто смотрят на других, а не глядят на тех, кто отплясывает? Почему они все — зрители и лишь он один — исполнитель? Что они позабыли из того, что он всегда помнил? Их дома невелики и нелюдимы, безгласны и безмолвны. Совсем другое дело — дом Пьетро, «Кормушка», магазинчик, переполненный пронзительными птичьими посвистами, гомоном, воркотней и шуршанием перьев, ворчанием пушистых и мохнатых созданий да отзвуком смеженных во тьме зве-

рушечьих век! Его обиталище озаряли свечи и лики возносящихся... летающих... святых... поблескивали медальоны. Патефон крутился и в полночь, и в два, три, четыре часа утра, а он знай себе горланил, душа нараспашку, отрешенный от мира сего, вслепую. Ничего, кроме звучания. И вот он снова среди домов, запирающихся в девять, где ложатся спать в десять, пробуждаются поутру после нудных часов сна. Не хватает лишь траурных венков на крыльце.

Иногда, когда он пробегал мимо, людям на мгновение что-то вспоминалось. Иногда они могли смущенно промурлыкать пару нот или отбить такт ногами, но чуть ли не единственным их порывом при звуках музыки было нащупать в карманах монетку.

Когда-то, думал Пьетро, у меня была куча монеток, горы долларов, много земли и домов. И все это кануло, и я столько проплакал, что обратился в изваяние. И долго не мог пошевелинуться. Они меня уничтожили, все растащили, разграбили! Тогда я решил, что больше никому не позволю себя уничтожить. Но каким образом? Имею ли я то, что у меня можно безболезненно забрать? И сколько бы ты ни отдавал, у тебя не убудет?

И, конечно, ответ — талант.

Мой талант! — думал Пьетро. Чем больше отдаешь, тем больше его и тем он лучше. Талантливые должны заботиться о мире.

Он оглянулся вокруг. Мир полон подобных ему изваяний. Большинство утратили способность двигаться. Даже не знают, как снова привести себя в

движение — хоть в каком-то направлении — вперед, назад, вверх, вниз, ибо жизнь грызла их и калечила, терзала и увечила, оглоушивала до глухоты мраморных истуканов. Если они не способны двигаться, значит, кто-то другой должен делать это за них. Ты, Пьетро, должен двигаться, думал он. К тому же в движении нельзя оглянуться на то, чем ты был и что с тобой стряслось, или на идола, в которого ты превратился. Так что пошевеливайся, задай себе такую нагрузку, чтобы с лихвой хватило и на тех крепконогих, которые разучились бегать. Бегай с хлебом и цветами среди монументов себе, любимому. Вдруг кто-нибудь удосужится нагнуться и прикоснуться к цветам, положить ломоть хлеба в пересохший рот. А если закричишь и запоешь, то вдруг и к ним вернется дар речи, и кто-то допоет песню с тобою в унисон. Эй! — кричишь ты, «Ляля!» — поешь ты, пританцовывая. И однажды, спустя долгое время, вдруг от пляски ступни их ног захрустят, разомнутся и станут отбивать твою чечетку у себя дома, наедине с самими собой, отражаясь в зеркале своей души. Ибо, помни, некогда их, как и тебя, высекли из камня и льда — хоть выставляй в витрине рыбного ресторана. Но ты запел и накричал на свое нутро, и у тебя сначала вздрогнуло одно веко! Потом другое! Ты сделал вдох и исторг оглушительный крик Жизни! Зашевелились пальцы, зашаркали ступни, и ты с головой окунулся во вспышку жизни!

А ты прерывал с тех пор свой бег?

Ни разу.

Вот он забежал в чье-то жилье и оставил белые